

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ

В.П. Тутлис

Рассматриваются философские и религиозные искания Н. Гоголя, их трагический смысл и значение.

Ключевые слова: эстетика; религиозный имманентизм; теократическая идея христианства; русский социализм.

Н.В. Гоголь принадлежит к числу тех великих людей России, которые оставили свой неизгладимый след в истории ее духовной культуры. Он был не только гениальным писателем, но и оригинальным религиозным мыслителем и философом. Однако глубина его философских и религиозных исканий, их трагический

смысл и значение для последующего развития русской духовности долго оставались неосознанными или даже превратно понятыми. Роковую роль в этом отношении сыграло [1] “Письмо к Н.В. Гоголю” В.Г. Белинского от 3 июля 1847 года. В нем он резко и негативно характеризовал “Выбранные места из переписки с друзьями-

ми” – последнюю книгу Н.В. Гоголя, о которой сам автор отзывался как о “лучшей” из всего, что им было создано, и которую он просил соотечественников “прочитать несколько раз”. Его призыв не был услышан. Зато были услышаны слова В.Г. Белинского. То, что писал о Н.В. Гоголе “неистовый Виссарион”, сегодня невозможно читать без содрогания: “Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что вы делаете. Взгляните себе под ноги, – ведь вы стоите над бездною!..” [2, 163–164]. Здесь каждое слово и ложь, и оскорбление, и унижение. Правда лишь одна: Н.В. Гоголь, действительно, заглянул в бездну самосознания, и перед ним разверзлась тьма страха и безумия, а дальше – еще неотвратимей и безысходней – тьма!

Не случайно свое произведение (“Выбранные места из переписки с друзьями”) Н.В. Гоголь начинает с “Завещания”, в котором умоляет не погребать его до тех пор, пока не покажутся первые признаки разложения. Он боялся быть заживо похороненным. Но ходила легенда, что случилось именно то, чего он больше всего опасался. При перезахоронении из Донского монастыря на Новодевичье кладбище на внутренней стороне крышки гроба Н.В. Гоголя будто бы были обнаружены глубокие царапины, словно, очнувшись в гробу, человек, задыхаясь, рвался из могилы. Но даже если это легенда, начать завещание с представления о возможности развития событий именно таким образом – означает пережить их в своем воображении, а для творческой личности – испытать страх и нечеловеческий ужас.

Эти переживания отразились на всем содержании “Выбранных мест из переписки с друзьями”. “Психологическая идея, пронизывающая все произведение Гоголя, – пишет современный исследователь истории русской философии В.В. Сапов, – страх; автор не скрывает от читателя своего страха, охватывающего его при мысли о какой-то еще неясной, но отчетливо сознаваемой им надвигающейся катастрофы: «Соотечественники! Страшно!» – пишет Гоголь” [3, 116].

Апокалипсические настроения и пророческие предчувствия станут вновь характерными для русской литературы в начале XX в., особенно для поэтов-символистов. Вот тогда-то снова будет открыт Н.В. Гоголь не только как писатель, но и как величайший религиозный мыслитель и философ, причем философ в истинно русском понимании. Будет раскрыта тайна его мистических исканий, станет понятным, почему

так негодовал В.Г. Белинский и как глубоко слиты между собой русская литература и русская философия.

Да, конечно, Н.В. Гоголь был христианином, переживавшим свое христианство, как говорил Н.А. Бердяев, страстно и трагически. “Он исповедовал религию страха и возмездия... Он был подавлен чувством греха” [4, 86].

Именно чувство греха, чувство личной ответственности и “долга перед народом” заставляло его быть столь беспощадным в отражении российской действительности.

В душевной и гнетущей атмосфере николаевского режима сатирическая картина русской действительности и русской жизни, художественная сила которой сделала Н.В. Гоголя родоначальником русской классической прозы и одним из известнейших русских и славянских художников, воспринималась как решительный протест против тогдашнего устройства русской жизни – отмечает Б.В. Яковенко [5, 140–141].

Вот почему западники во главе с В.Г. Белинским видели в Н.В. Гоголе своего соратника в борьбе за просвещение, свободу и гуманизм.

Но уже тогда, а чем дальше, тем больше, Н.В. Гоголь занимает мысль о расхождении эстетического и нравственного в жизни человека, и он впервые в истории русской мысли подходит к выводу о так называемом “эстетическом аморализме”. Суть этой идеи лучше пояснить примерами. В повести “Невский проспект” Н.В. Гоголь рассказывает о художнике, в душе которого царит глубокая вера в единство эстетического и морального начала, но эта вера разбивается при встрече с жизнью. Художник встречается на улице женщину поразительной красоты, которая оказывается связанной с притоном разврата. Художником овладевает отчаяние, он пытается уговорить красавицу бросить ее жизнь, но та с презрением и насмешкой слушает его речи. Бедный художник не выдерживает этого страшного раздора между внешней красотой и внутренней порочностью, сходит с ума и в порыве безумия кончает с собой¹ [6, 166]. Второй пример – герой Андрий (повесть “Тарас Бульба”), который из любви к другой красавице предал родину, веру, семью. При этом Андрий формулирует основной принцип эстетического аморализма таким образом: родина его там, где его сердце. Здесь,

¹ Здесь и далее приводится логика рассуждений В.В. Зеньковского, сумевшего понять тайну мистических исканий Н.В. Гоголя (см.: *Зеньковский В.В. Гоголь*. – Париж, 1961).

продолжает мысль В.В. Зеньковский, намечаются основы той антропологии, которую впоследствии развил Ф.М. Достоевский в учении о хаотичности и внеморальности человеческой души.

После комедии “Ревизор”, имевшей громадный успех на сцене, но, конечно, не совершившей никакого морального сдвига в обществе, Н.В. Гоголь окончательно отказывается от эстетической утопии. Он больше не верит, что “красота спасет мир” (Ф.М. Достоевский), что искусство может вызвать у людей движение к добру, именно этот вывод составляет основу его дальнейших религиозно-философских исканий. В конечном итоге Н.В. Гоголь приходит к мысли, что соединить красоту и добро может только то, что “глубже обоих начал”, религия, и что культура должна быть соединена с Церковью. В.В. Зеньковский отмечает: “Это и есть та новая мысль, которая стала исходным пунктом для целого ряда русских мыслителей” [6, 167–168].

Понятие культура здесь впервые отрывается от ее западной формы – у Н.В. Гоголя возникает мысль о том, что путь России, по существу, иной, чем путь западного христианства. Мысль об иных путях России разовьют дальше славянофилы и А.И. Герцен. Она закрепится в русском народничестве, у Н.К. Михайловского, и даже в русском марксизме, как идея В.И. Ленина о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране.

Сам же Н.В. Гоголь, опережая своих современников на полстолетия, в “Выбранных местах из переписки с друзьями” напишет: “Все эти славянисты и европисты или же староверы и нововеры, или же восточники и западники <...> все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу” [1, 228].

Свое представление о судьбах России Н.В. Гоголь изложил в письме “Страхи и ужасы России”. Анализируя сложную и противоречивую обстановку России и Европы, чреватую революционными потрясениями, он предложил свои рецепты спасения России, главный из которых “исполнять все сообразно с законом Христа и законом Церкви”. Именно этот вывод является причиной возмущений В.Г. Белинского. Последний, как и многие русские публицисты того времени, был охвачен “теургическим” (т.е. религиозным по своей сути) “беспокойством” – проблемой непосредственного влияния на жизнь, на ход событий, чувством ответственности за историю. А был В.Г. Белинский, как отмечает тот же В.В. Зеньковский, “натурой глубоко и подлинно

религиозной”. Незадолго до смерти, уже после письма к Н.В. Гоголю, критик писал: “Искупитель рода человеческого приходил в мир для всех людей <...> Он – сын бога – человечески любил людей и сострадал им в их нищете, грязи, позоре, разврате, пороках, злодействах. <...> Но божественное слово любви и братства не втуне огласило мир” [7, 79]. Однако его религиозные запросы развивались вне церкви. Внук священника, глубоко познавший нищету и бедность, он как никто знал о слиянии Церкви и Российского государства. После реформ Петра I, утвердивших Священный Синод, Церковь стала частью государственной машины, ее колесиком и винтиком, частью чудовищного механизма насилия, эксплуатации и разрушения личности. В письме Н.В. Гоголю В.Г. Белинский писал: “Церковь была и остается поборником неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми”.

В.Г. Белинский верил, что можно освободить человека, можно создать “Царство божие на земле”, но только через революцию, которая сметет самодержавие, а вместе с ней ее верного слугу – Церковь. “Благодать Божия, – пишет В.Г. Белинский, – не дается нам свыше, но лежит как зародыш в нас самих”. И этот религиозный имманентизм закрепляется в мысли, которую позже сформулирует Н.Г. Чернышевский: “Для того чтобы Человека сделать Человеком, нужно обстоятельства его существования сделать Человеческими”. Так, в русском сознании возникает утопия “земного рая” – утопия русского социализма. Она влекла В.Г. Белинского так же, как она влекла в то время А.И. Герцена, В.П. Боткина и многих других. Социалистическая идея – тайна и смысл письма В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю. Не случайно только за то, что Ф.М. Достоевский принес это письмо и прочитал его в кружке Петрашевского, писатель был приговорен к смертной казни.

Н.В. Гоголь же предлагал другой путь – путь нравственного самоусовершенствования, а не изменения внешних обстоятельств. Он отвергал все, что было свято и дорого В.Г. Белинскому, – утопию “земного рая” и активную революционную деятельность. Ему ближе не “теургическое беспокойство”, а “теократическая идея христианства”, которая утверждает необходимость просветления всего видимого, всего эмпирического через связывание его с мистической сферой – все историческое бытие, вся действительность должны быть освещены через преобразующую силу Божьего света. Таким образом, “теократи-

ческая идея Церкви окончательно осознается как идея преобразования через внутреннее обновление человека” [6, 55].

Искусству же, считает МГоголь, “предстоят теперь другие дела” – воодушевлять человечество в борьбе за Царство Божие (но не “земное”, а трансцендентное по отношению к миру), то есть связать свое творчество с тем служением миру, какое присуще Церкви [6,168]. Церковь Н.В. Гоголь все время понимает, как живое соединение мистической силы с ее историческим воздействием на мир. “Сам Гоголь, – отмечает В.В.Зеньковский, – выдвигал именно “всемирность человеколюбивого закона Христова” – его приложимость ко всему, его освещающее действие на каждом месте, во всех явлениях жизни”. Н.В. Гоголь полагал, что ныне человечество “не в силах прямо встретиться с Христом”, и в пробуждении душ к этой встрече Н.В. Гоголь видел церковное служение искусства.

Программа такой встречи была глубоко переосмыслена русской религиозной философией в лице В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, кн. С.Н. и Е.Н. Трубецких, П.А. Флоренского и многих других. Так, в философских системах и логико-понятийных

конструкциях, с одной стороны, и литературно-художественных образах, с другой, но объединенных общей идеей религиозно-философского восприятия мира слились между собой русская литература и русская религиозная философия.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями //Собр. соч.: В 8 т. – Т.7. – М., 1984.
2. *Белинский В.Г.* Письмо к Н.В. Гоголю // Хрестоматия по истории философии (русская философия): Учеб. пособ. для вузов: В 3 ч. – Ч. 3 – М., 2001.
3. *Сапов В.В.* Гоголь Н.В. // История русской философии: Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. – М., 1999.
4. *Бердяев Н.А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Самосознание: Соч. – Харьков, 1999.
5. *Яковенко Б.В.* Славянский обскурантизм Н.В. Гоголя // Яковенко Б.В. История русской философии. – М., 2003.
6. *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. – Т.1 – М., 1956.
7. Цит. по: *Лосский Н.О.* История русской философии – М., 1991.